

Староверы Осека

По крещению я старовер — так у нас называют старообрядцев. Моя мать родом из деревни Вольный Остров, что в Осеке, в Любимском районе Ярославской области. Осеком местные жители до сих пор называют земли вокруг когда-то зажиточного торгового села Закобякино. Была даже Осекская волость, но в официальных бумагах название «Осек» уже не употребляется, хотя в Закобякине я и видел приклеенный к стене листок объявления: «Жители Осека!..».

Название это сохранилось только в памяти народа, да еще, наверное, в произведениях Юлии Жадовской, нашей землячки.

В романе «В стороне от большого света» действие происходит в небольшой дворянской усадьбе.

В разговоре между героинями романа возникает вопрос: «Где теперь Павел Иванович? — Отсюда далеко, туда, за осек».

Осек — это оборонительные сооружения от татаро-монгольской конницы, когда валился лес в сторону ожидаемого противника, а все ветки деревьев заострялись. Учитывая, что вокруг еще и большое количество болот, Осек был непреступен для врагов, и название деревни «Вольный Остров» говорит об этом.

В 19 веке произведения Юлии Жадовской были известны, о ее стихах А.Н. Добролюбов писал:

Другое стихотворение также относится к сельскому быту, но гораздо грустнее предыдущего:

Грустная картина!
Облаком густым
Вьется из овина
За деревней дым.
Незавидна местность:
Скудная земля,
Плоская окрестность,
Выжаты поля.
Все как бы в тумане.
Все как будто спит...
В худеньком кафтане
Мужичок стоит,

Головой качает,
Умолот плохой, -
Думает-гадает:
Как-то быть зимой?..
Так вся жизнь проходит
С горем пополам,
Так и смерть приходит,
С ней - конец трудам.
Причастит больного
Деревенский поп,
Принесут сосновый
От соседа гроб;
Отпоют уныло...
И старуха мать
Долго над могилой
Будет причитать.

Однако же - довольно выписок. Если выписывать все хорошее, то нам пришлось бы переписать значительную долю стихотворений г-жи Жадовской. Пьесы, приведенные нами, могут, впрочем, дать довольно полное понятие о характере ее таланта. Он не отличается ни особенным разнообразием, ни могуществом, ни роскошью; но он силен своей задушевностью и решительным отсутствием всякой аффектации. Это - находка в нашей современной поэзии, так приучившей нас к благозвучному пустозвонству, к изумительной скачке друг через друга пышных образов и мировых идей, выхваченных из школьных тетрадок, к головоломным порывам, о которых вовсе не ведает сердце.

В районном центре, в городе Любиме, возле городского парка, Юлии Жадовской установлена памятная доска. Она соседствует с другой памятной доской еще одному нашему земляку — Л.Н. Трефолеву. Его произведения знакомы каждому: «Когда я на почте служил ямщиком», «Дубинушка», «Песня о камаринском мужике».

Оба они поэты некрасовской школы, а любимые места охоты самого Некрасова были рядом с Осеком, на другом берегу реки Костромы, которую местные жители называют не иначе, как Костромкой.

Опять я в деревне. Хожу на охоту,
Пишу мои вирши — живется легко,
Вчера, утомленный ходьбой по болоту,
Забрел я в сарай и заснул глубоко.
Проснулся: в широкие щели сарая
Глядятся веселого солнца лучи.
Воркует голубка; над крышей летая,
Кричат молодые грачи,
Летит и другая какая-то птица —
По тени узнал я ворону как раз;
Чу! шепот какой-то... а вот вереница
Вдоль щели внимательных глаз!
Все серые, карие, синие глазки —
Смешались, как в поле цветы.
В них столько покоя, свободы и ласки,
В них столько святой доброты!

В этих местах происходят почти все события, описанные в его стихах. Здесь «на столбовой дороженьке сошлись семь мужиков», чтобы решить давний вопрос: «Кому на Руси жить хорошо?», здесь разложили свои товары коробейники, здесь зимой «Мороз-Воевода дозором обходит владенья свои»:

Идет, по деревьям шагает,
Трещит по замерзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде.

Весной здесь «Идет-гудет Зеленый Шум, Зеленый Шум, весенний шум!»

Играючи, расходится
Вдруг ветер верховой:
Качнет кусты ольховые,
Подымет пыль цветочную,
Как облако, — все зелено,
И воздух, и вода!

...

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Слабеет дума лютая,
Нож валится из рук,
И все мне песня слышится
Одна — в лесу, в лугу:
«Люби, покуда любится,
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И — бог тебе судья!»

Здесь жил дед Мазай и зайцы, крестьянские дети, бабушка
Ненила, и Орина, мать солдатская.

Чуть живые, в ночь осеннюю
Мы с охоты возвращаемся,
До ночлега прошлогоднего,
Слава богу, добираемся.

- Вот и мы! Здорово, старая!
Что насупилась ты, кумушка!
Не о смерти ли задумалась?
Брось! Пустая эта думушка!

Посетила ли кручинушка?
Молви - может, и размыкаю.-
И поведала Оринушка
Мне печаль свою великую.

Своих знаменитых «Коробейников» («Ой полным полна коро-
бушка, есть и ситец и парча») А.Н. Некрасов посвятил крестья-
нину деревни Шоды, что в пяти километрах от Вольного Острова,
Гавриле Яковлевичу, с которым часто охотился:

Как с тобою я похаживал
По болотинам вдвоем,
Ты меня почасту спрашивал:
Что строчишь карандашом?

Почитай-ка! Не прославиться,
Угодить тебе хочу.
Буду рад, коли понравится,
Не понравится — смолчу.

Не побрезгуй на подарочке!
А увидимся опять,
Выпьем мы по доброй чарочке
И отправимся стрелять.

Для царских служивых людей Осек был глухоманью, у черта на куличках, поэтому большого царского присмотра здесь никогда не было, и после никоновских церковных реформ сюда стали стекаться староверы. У них не было своей церкви, а службы проходили на дому, все обряды совершали женщины-монашки, как их называли.

В Закобьякине были мощенные камнем улицы, много складов и лавок, собранных в торговые ряды, правда, не таких, как в старых ярославских городах, а поскромнее, в соответствии со статусом.

В августе, в престольный праздник Успения Пресвятой Богородицы здесь проходили ярмарки.

До сих пор над рядами возвышается пожарная вышка из ажурного металла, делая село узнаваемым издали и не похожим на все остальные. Наверное, здесь были хорошие кузнецы. Двери в лавки и на склады — это просто металлические произведения искусства! Совсем небольшая их часть еще сохранилась, об остальных можно судить только по старым фотографиям: местные жители не без основания любили фотографироваться на их фоне.

Много двухэтажных домов, у которых первый этаж кирпичный, предназначенный для склада или лавки, а второй, деревянный, для проживания — считалось, что только деревянные стены обеспечивают здоровое жилье.

Число монашек потихоньку уменьшалось: советская власть не делала каких-то исключений для старообрядцев в своей борьбе с религией. Они постепенно умирали, а все иконы и богослужебные книги переходили по наследству оставшимся. Наконец, последняя монашка нашла приют у моей родственницы бабы Тали, что жила в деревне Красный Бор, рядом с ныне уже не существующим Вольным Островом. После ее кончины баба Таля стала наследницей икон и богослужебных книг всего староверческого Осека.

Дошло сообщение, что к бабе Тале приезжал «семинарист» из Ленинграда, предлагал купить у нее иконы, которые ему нужны якобы для «богослужения».

Баба Таля со словами: «Бог не продается. Если ты не будешь над ними надругаться, я отдам тебе их бесплатно», - что и сделала.

«Семинарист» набил старинными иконами свой рюкзак до такой степени, что еле смог его поднять, и отбыл в неизвестном направлении.

Мой отец, бывший в то время секретарем Любимского райкома КПСС, понимал ценность этих старых икон и, конечно, догадывался, кто такой «семинарист». Он подключил милицию, но перехватить «семинариста» не удалось.

Мне отец советовал съездить и навестить бабу Талю.

В горнице у бабы Тали два огромных сундука со старинными иконами и книгами в потрескавшихся кожаных переплетах.

- А вот это книжка, куда твой дед Иван записывал события, здесь есть и запись о твоём рождении: «13 сентября родился внук, Катя назвала его Володей».

- Я пока тебе ее не отдам, очень интересно читать, что же у нас здесь тогда происходило. Но все иконы и книги будут твоими, я тебе их завещаю.

Я умру в апреле следующего года, а в ноябре попрошу сына перевести меня вместе с сундуками к себе в Скородумово. Скажу, чтобы после моей смерти он все передал тебе. Боюсь, что наши-то будут над ними надругаться и истопят в печах.

Баба Таля ошиблась: она умерла в сентябре, не дожив до переезда в Скородумово. Сундуки исчезли.

Кем был мой дед Иван Загулин — покрыто тайной. Разговоры об этом были строжайше запрещены, только потом я узнал, что он служил в царской армии, и не рядовым. Всем говорили, что он крестьянин деревни Скородумово: очень боялись ЧК.

Рассказывают, что моя бабушка Августина встретила его, умирающего от голода, в Питере, привезла на Вольный Остров, и они поженились. Говорят, что свои награды он закопал в огороде.

Москва, Лефортовский вал, дом 7/6, 2-й корпус, 2-й подъезд, общежитие радиотехнического факультета.

Незнакомый человек, стоявший возле дежурного вахтера, на меня внимательно посмотрел и спросил:

- У тебя есть время?

Я только что пришел с последней лекции, и время у меня было.

- Ты знаешь, что находится на другой стороне улицы?

- Конечно, знаю - Лефортовская тюрьма.

Окна нашей комнаты как раз на нее и выходили.

- Почти правильно. Только это не тюрьма, а следственный отдел КГБ. Не хочешь там побывать?

Увидев мое озадаченное выражение, рассмеялся:

- Нет, нет, речь идет о просьбе помочь следствию. Тыходишь для статиста, среди которых должен быть задержанный во время опознания его свидетелями. Так положено по закону. Один статист уже есть.

Я согласился, и мы пошли через улицу.

Когда поднимались на второй этаж, проходили несколько дверей с кодовыми замками. Но здесь все было наоборот: чтобы войти — просто нажимаешь кнопку, чтобы выйти — набираешь код. В большой комнате через решетки на окнах светило весеннее солнце.

Диван стоял у стены. Нам, статистам, предложили сесть в любом порядке, но предупредили, что если задержанный потребует переместиться — ему не возражать и пересест.

Между собой:

- При задержании он пытался демонстрировать приемы каратэ, поэтому я, на всякий случай, встану возле окна.

Ввели хромающего человека в возрасте около 30 лет, в джинсовом костюме, со склоненной головой и совсем невеселого. Он сел между мной и соседом и уставился в какую-то точку на полу.

Когда вошел человек с фотоаппаратом, вдруг в комнате стало темно: солнце зашло за тучи. Фотограф посмотрел в видоискатель:

- Света не хватает, пойду за вспышкой.

Фотограф отсутствовал долго, и два молодых следователя за столами на противоположной стороне комнаты «заполняли паузу», то обращаясь непосредственно к задержанному, то к нам:

- Толя (Тебя ведь Толя зовут? Ты же так нам представился в последний раз?), Толя, ты что такой невеселый?

Или:

- Был такой случай...

Следователи ничем не напоминали злодеев-чекистов, что можно видеть в некоторых фильмах. Они были веселы, общительны и даже дружелюбны.

Один из них:

- Я вам расскажу такую историю:

- На нашем юридическом факультете учился студент, который никогда не ходил на лекции, никогда не готовился к экзаменам, а всегда сдавал их первым. Мы все старались отсрочить заход в аудиторию, ждали выхода уже сдавших, чтобы узнать, к какому преподавателю идти, а к какому не следует. Для этого студента такой проблемы не существовало, он всегда шел первым и всегда «вылезал» за счет своей большой эрудиции.

- Вы, конечно, понимаете, что наши дисциплины — сплошная «болтология», не как у вас, в техническом институте.

- Как всегда, этот парень был первым.

- Ему достался вопрос: «Минойская культура».

- В ответе была информация о Минотавре, о царе Эгее, о дворцах и подземельях, об амфорах и настенных рисунках.

- Профессор надолго задумался, и наконец, определился со своей оценкой: «Ваш ответ достоин четверки, но я Вам поставлю тройку. У вас заметны некоторые пробелы в знаниях. Тройка подстегнет Вас к системному изучению материала».

- Когда студент вышел, следом за ним почти бегом появился профессор: «Дайте зачетку, я Вам все-таки поставлю четверку. Я только что обнаружил, что перепутал билеты соседнего факультета с вашим. Вы же юристы, и курса полевой археологии у вас вообще нет!»

Когда пришел фотограф, началось опознание. Первым свидетелем был огромный спортивного вида парень. Он представился:

- Охранник завода номер такой-то.

По просьбе следователей он подошел к задержанному и положил ему руку на плечо. Сверкнула фотовспышка.

Охранник начал давать показания:

-Я работал в вечернюю смену, когда к проходной подошел этот человек и предъявил пропуск. Я сразу понял, что пропуск фальшивый, поскольку в правом верхнем углу не было условной точки.

- Я предложил ему пройти со мной, но он, вместо этого, побежал. Тогда я, в соответствии с инструкцией, выстрелил ему в ногу.

Вторым свидетелем была деревенская старушка:

- Отец Михаил – она указала на задержанного - появился в нашей деревне зимой. Он собрал всех нас (а у нас почти все в деревне старики) и стал рассказывать про Бога.

- В нашей деревне и телевизора ни у кого нет, да, говорят, если бы и был, то бы не показывал. Каждый вечер собирались у кого-нибудь в доме.

- Потом отец Михаил попросил всех принести иконы, которые хранились у каждого, чтобы можно было молиться. На следующий день после того, как мы их принесли, он исчез вместе с иконами.

Общую картину завершил тоже охранник, но уже морского порта в Ленинграде:

Во время нахождения в морском порту иностранных судов здесь регулярно появлялся этот человек с рюкзаком за плечами.

На этом опрос свидетелей и наша миссия были завершены, и задержанного увели.

Один из следователей оторвался от заполнения протоколов допроса и протянул каждому из нас справку, в которой значилось, что мы такого-то числа и в такое-то время участвовали в следственных действиях КГБ СССР.

Эта справка несколько раз спасала меня от облав деканата на предмет посещения лекций. Щит с мечом и заголовок: «КГБ СССР, следственный отдел», настолько завораживали проверяющих, что до анализа даты получения справки дело не доходило.

Я не знаю, был ли подследственный «Толя», которого я видел во время опознания, тем самым «семинаристом», получившим рюкзак староверческих икон от моей родственницы бабы Тали, но много факты на то указывают.